Осень средневековья. Европа после крестовых походов.

Последствия крестовых походов (1096-1291 гг.) были неоднозначны и столь многообразны, долговременны и значительны, что Европу после 1400 года можно считать порождением этой величественной и чудовищной эпохи. Крестоносная эпопея и ее наследие - это фундамент современного Западного мира. Капитализм и национальное государство, реформация и Ренессанс глобальное господство Европы в 18-20 вв., индивидуализм, системный плюрализм и свобода ***получили свой начальный импульс во времена крестовых походов или благодаря их последствиям***. Либеральное мессианство современного Западного человека тоже родом отсюда - из эпохи религиозных войн и позднего средневековья. «Бремя белого человека» (Р. Киплинг) европеец пытается нести и сегодня, облачаясь в незримую белую котту с красным восьмиконечным крестом.

I. Зарождение капитализма.

Экономика. Благодаря крестовым походам на пространстве от Скандинавии и Португалии до Ближнего Востока сформировался ***мир-экономика***[1] с центром в Венеции. Он стал той средой, в которой социальные, технологические и экономические инновации Запада трансформировались в индустриальную революцию и капитализм.

Венеция, на своих шести десятках островов и островков была странным миром, прибежищем, но неудобным: ни пресной воды, ни продовольственных ресурсов – только соль. Город в чистом виде, лишенный всего, что не было исключительно городским, обреченный ради выживания все требовать в обмен: пшеницу или просо, рожь, скот, сыры или овощи, вино или масло, лес или камень. И даже питьевую воду! Его население целиком пребывало вне пределов «первичного сектора», что было обычным в доиндустриальных городах. Венеция развивала свою активность в секторах, которую сегодняшние экономисты называют «вторичным и третичным»: в промышленности, торговле, услугах, где рентабельность труда выше, нежели в сельских видах деятельности.

Когда в IX-X вв. венецианцы начали торговать на дальние расстояния, Средиземноморье было поделено между Византией и миром ислама. Удача Венеции заключалась в том, что ей не было нужды, как Генуе и Пизе, прибегать к пиратству, чтобы добыть себе место под солнцем. Находясь под символическим владычеством Византийской империи, она с большим удобством, чем кто-либо другой, проникала на огромный и плохо защищенный византийский рынок, оказывала империи многочисленные услуги и даже помогала ее обороне. В обмен она получала из ряда вон выходящие привилегии[2].

Авантюра крестовых походов фантастически ускорила торговый взлет северо-итальянских городов и придала ему небывалый масштаб. Заодно воинами Христа были уничтожены или вытеснены главные конкуренты итальянцев – византийцы и арабы. Для Венеции решающим поворотом был Четвертый крестовый поход. До этого она паразитировала на Византийской империи, пожирала ее изнутри. Теперь Византия стала почти что ее собственностью. Точно также итальянские города выиграли от монгольского нашествия, которое после 1240 г. на столетие открыло прямой путь по суше от Черного моря до Китая и Индии, дававший неоценимое преимущество – обойти Левант - позиции ислама.

У истоков новой капиталистической Европы, - пишет Ф. Бродель, - надлежит поместить рост двух торгово-промышленных комплексов в XII-XVI вв.: Севера и Юга, Нидерландов и Италии – Северного моря вместе с Балтийским и всего Средиземноморья. Север был более «промышленным», Юг – более торговым. Создание единой европейской мир-экономики могло произойти лишь ценой борьбы между двумя полюсами. Италия будет одерживать верх вплоть до XVI в. Венецианская «империя торговых постов» в XV в. с населением в 1,5 млн человек имела годовой доход в размере 1 млн 590 тыс. дукатов. Франция с 15 млн населения всего лишь 1 млн. Венеция была своего рода универсальным складским пунктом, где можно было купить любой товар, был ли он произведен в Северной Африке, Новгороде, Португалии, Сирии или Германии. При том, что значительная часть этих торговых потоков прямо или косвенно контролировались Венецией. Так, немецкий купец должен был помещать свои товары и жить только в Немецком дворе (в Венеции) под придирчивым контролем агентов Сеньории, а деньги, полученные от продаж, вкладывать только в венецианские товары[3].

По мере развития крупной торговли на дальние расстояния в XII-XV вв. был создан весь инструментарий капиталистической экономики. «Современный капитализм, - считает Поль Груссе, – ничего не изобрел. Даже сегодня невозможно найти ничего, что уже не имело бы прецедента в

---

[1] ***Мир-экономика*** *– «экономически самодостаточный кусок планеты, которому его внутренние связи придают определенное органическое единство» (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т.3. Время мира. – М.: Прогресс, 1992. С.14.).*

[2] *Бродель Ф. Указ. соч. С.104-105.*

[3] *Там же. С.93, 117, 122.*

гениальности какой-нибудь итальянской республики»[4]. И правда, векселя, кредит, чеканка монеты, торговые сделки на срок, государственные финансы, займы, капитализм, колониализм и не в меньшей степени социальная жестокость, классовая борьба, политические злодеяния – все это было там, у основания постройки. Особенно плодовитой в отношении капиталистических инноваций была Флоренция. Банки и чеки, холдинг, двойная бухгалтерия, технология мануфактуры появились именно здесь. А сущность капиталистического стиля жизни и стиля мышления сформулирует флорентиец Альберти в лаконичной формуле: «Время – это деньги».

Технологии. Для того что бы машина заменила человека на производстве и подвела вплотную к промышленной революции, ее надо было заметить и оценить - как мощный источник энергии, как более совершенный инструмент, чем человек и человеческие руки; машина должна была сделаться частью повседневности. После этого судьба капитализма и индустрии была бы предопределена – останется секуляризовать науку и внедрить несколько удачных изобретений. «Между XII и XVI веками были сделаны все ключевые изобретения, на основании которых предстояло выстроить целое полчище новых машин: это ***водяная и ветряная мельницы, увеличительное стекло, печатный станок и механические часы.*** От указанных изобретений в значительной степени зависели все позднейшие технические успехи, в корне отличные от достижений более ранних индустриальных культур. Именно благодаря новым техническим достижениям ученые XVII века обрели реальную возможность совершить то, что позднее назовут мировой революцией [научной и индустриальной – А.К.]»[5].

Мусульманские инженеры переняли греческую технологию по изготовлению водяных мельниц в Византии, где она применялась в течение многих столетий в провинциях, завоеванных мусульманами, в том числе на территории современной Сирии, Иордании, Израиля, Алжира, Туниса, Марокко и Испании. К XI веку, в каждой провинции по всему исламскому миру (от Аль-Андалус [арабской Испании] и Северной Африки до Ближнего Востока и Центральной Азии) в промышленности были введены в эксплуатацию водяные мельницы. Мусульманские и ближневосточные христианские инженеры использовали коленчатые валы, водяные турбины, водоподъёмные машины и плотины в качестве дополнительного источника воды и для обеспечения их дополнительной мощности. Промышленные водяные мельницы использовались в работе крупных фабричных комплексов, построенных в Аль-Андалус в XI-XIII веках. Существование первой известной ветряной мельницы в Европе (предполагается, что она была вертикального типа) датируется 1185 годом; она была расположена в бывшем селе Видли в Йоркшире в устье реки Хамбер[6]. И она тоже пришла в Европу благодаря крестовым походам[7].

Ветряные и водяные мельницы, заимствованные на Востоке в эпоху крестовых походов, позднее в XV-XVII вв. вызвали хозяйственный подъем в Европе, который Ф. Бродель назвал ***промышленной предреволюцией***[8]. В самых разных уголках Европы и отраслях находили все большее применение зубчатые и коленчатые передачи, домкраты, «гениальная система шатун-кривошип», маховик, придающий правильность всякому движению, прокатные станы, все более и более сложное машинное оборудование горных предприятий. *Почти все эти новации были элементами водяных и ветряных двигателей.* Железноделательные заводы на берегах рек, пришли на смену заводам, стоявшим в лесу. Вода приводила в движение огромные мехи, толчеи, измельчавшие руду, молоты, проковывавшие железо после разных его «подогревов». Этот прогресс сопровождал становление доменной печи в конце XIV века. А без нее железо не смогло бы стать «самым важным предметом производства, что было величайшим событием в развитии человечества»[9].

Агрикультурная революция. После череды многовековых природных катаклизмов V-IX вв. в Европе наступает благодатное время климатического оптимума X-XIII вв. В летописях упоминается о виноделии в Восточной Пруссии, Померании и даже на юге Шотландии в этот период. В то же время в Норвегии всходили урожаи зерновых на северных широтах вплоть до полярного круга. Сокращение ледников позволило викингам заселить Исландию и Гренландию. Начинается мощный демографический рост и численность христиан возросла с 27 млн в VIII веке, до 42 млн в XI и к 1300 году составила 73 млн человек[10]. Однако без впечатляющих агротехнологических новаций все это было бы

---

[4] *Там же. С.87.*
[5] *Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. С 373.*
[6] *Вертикальные ветряные мельницы//Самые красивые дома//http://ru.beautiful-houses.net/2010/08/vetrjanye-melnicy-foto.html*
[7] *Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. – М.: «Наука», 1980. С.301.*
[8] *Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. С. 396.*
[9] *Там же. С. 403.*
[10] *Ле Гофф Ж. С небес на землю//Одиссей. Человек в истории. – М.: «Наука», 1991. С. 29.*

невозможно. Двуполье заменяется *трехпольем*, а с XII века по всей Европе распространяется *хомут*[11] - ключевое изобретение агрикультурной революции. В сочетании с *подковой, тяжёлым плугом* и другими усовершенствованиями сельскохозяйственного производства, эффективность труда европейского крестьянина резко увеличилась, возросла урожайность, увеличилась площадь пашенной земли.

2. Изменение средневековой ментальности: «С небес на землю».

«**Мания счета» и чистилище.** Технологические новации XII-XIV вв. привели к осознанию такой ценностной категории как *экономический рост*. Появляется понятие *урожайности* и мысль об улучшении агрикультуры. *Хозяйственный учет* становится средством местного и даже государственного управления. Первым это сделал Вильгельм Завоеватель. Утвердившись в Англии, он распорядился составить полный перечень владений короны – мероприятие, которое настолько удивило современников, что эта опись была названа «Книгой Страшного суда». А в 1203 году появился отчет, учитывающий доходы короля Франции Филиппа-Августа, который историки назвали первым известным нам *бюджетом* французской монархии.

Около 1200 года людьми в Европе овладела прямо-таки «мания счета»[12]. В сфере торговой деятельности понятие барыша, выгоды (lucrum) становится позитивной ценностью – той, которую раньше церковь осуждала как «постыдную прибыль». В этой атмосфере счета и расчета в сознании христиан складывается понятие ***чистилища.*** Грешник после смерти искупает свои грехи в месте, расположенном между адом и раем, за время, пропорционально содеянным поступкам. Открывается так же возможность сократить это время через систему индульгенций, через пожалования в пользу церкви и на бедных, через участие родственников умершего в мессах, оплаченных ими. С потусторонним миром устанавливаются своего рода деловые отношения, строящиеся на арифметическом учете грехов и заслуг, и концепции пропорциональности. Историк Жак Шифолё именует это «бухгалтерскими отношениями с потусторонним миром»[13].

Преобразование понятия времени, так же свидетельствует о глубинных переменах в сознании эпохи. Раньше думали, что время – дар божий – не может быть предметом торговли. По этой причине осуждался ссудный процент и в результате создавалось препятствие для использования векселя как важнейшего инструмента торгового подъема. Церковь теперь ищет способы оправдать выгоды, приносимые ходом времени: осмысливается тот факт, что труд торговца, хотя и имеет иную природу, но сравним с трудом ремесленника или земледельца. Впрочем, купец, занимавшийся ростовщичеством, мог зарабатывать даже «во сне», так как деньги продолжали на него работать и в это время, что вызывало возмущение.

В конце XIII века появляются *механические часы*. В XIV веке их устанавливают на башнях городских ратуш и соборов по всей Европе. Отныне сутки делятся на 24 часа, отмечаемые боем часов или, как в Страсбурге криком механического петуха. В XV веке появятся механические часы для личного пользования, что обострит ощущение хода времени, а главное - час механических часов был удобной единицей, пригодной для арифметических операций. *Это положило конец монополии колоколов, возвещающих о времени Бога и церкви; люди становятся подвластными механически измеряемому времени купцов и строящегося государства.* Деловых людей уже не устраивал и церковный календарь с подвижными праздниками и началом года, колеблющимся между 22 марта и 25 апреля, им нужна была форма более точных расчетов времени и тогда церковь устанавливает начало года в день обре́зания

---

[11] ***Хомут*** *позволяет животному использовать заднюю часть корпуса и задние ноги для толкания груза, в отличие от применения ярма или нагрудного ремня, когда приходится тянуть груз одними плечами. Кроме того, он уменьшает давление на трахею. В ярме ремни прижимали грудино-головные мышцы лошади и трахею, что ограничивало её дыхание и снижало тяговое усилие. Получалось так, что чем сильнее лошадь тянула, тем труднее ей становилось дышать. В 1910 году кавалерийский офицер из Франции Лефевр де Нёттес провёл эксперимент. Пара лошадей, использующая ошейники, опоясывающие горло, смогла потянуть максимальный груз весом около 0,5 тонны. В то же время, одна лошадь с более совершенным хомутом смогла сдвинуть с места груз весом более 1,5 тонн. Волов в 12 веке заменили на лошадей, что обеспечило большую (на 50%) эффективность благодаря скорости.*

[12] *Склонность видеть самые различные стороны действительности сквозь призму счета и расчета проявляются во всем. В расчетной книге венецианца Якопо Ларендано есть запись: «Дож Фоскари – мой должник за смерть моих отца и дяди». После устранения врага вместе с его сыном купец на противоположной странице счета делает пометку: «Оплачено» (Гуревич А.Я. Средневековый купец// Одиссей. Человек в истории. – М.: «Наука», 1990. С. 125).*

[13] *Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 32.*

Господня – 1 января. *Все это вместе взятое предполагало* ***ориентацию на земные ценности****, на ratio как логическое начало, разум и расчет в одно и то же время*[14].

Переоценка науки и образования. Обучение, дотоле являющееся монополией монастырских школ, берут в свои руки миряне, а некоторые из них делают это своей профессией и источником средств к жизни. Распространению «арифметической ментальности» способствовало все возрастающее использование *индийской цифровой системы и введение нуля,* заимствованное во время крестовых походов у арабов. ***Число теперь имеет не только символический смысл, оно обретает нейтральность, становится инструментом*** *простого счета. Здесь так же пришлось преодолеть теологические препятствия. Ведь Бог – это единственный, кто может знать точное число существ и предметов. Согласно Второй книге царств Ветхого завета, Яхве, разгневанный переписью населения, насылает на иудейский народ эпидемию, которая сделала бессмысленной саму перепись.* По диатрибе св. Бернарда против «торговцев словами» можно понять сколь скандальной представлялась людям традиционных взглядов оплата занятий наукой – это ведь дар Божий, который не может вознаграждаться деньгами. Изменение воззрений в этой области дало толчок к возникновению университетов и особую роль в этом сыграл прогресс письменности. С распространением ученических записей, университетских рукописей, торговых книг *письменный текст десакрализуется.* Раньше он ассоциировался со Священным писанием, ныне письмо стало обыденным и все более беглым. Появляется его особый вид – *курсив,* допускающий многочисленные сокращения и лигатуры, чему способствовала замена *тростниковой палочки на гусиное перо*. Это письмо создается теперь не во имя Бога и Неба, но ради земного. Возникает торговля рукописями и появляются специальные лавки, торгующие ими. Устав университета в Падуе провозглашает: «Без рукописей не было бы университетов»[15].

Отношение к жизни и телесному. В XII – XIV вв. повышается значимость и ценность земной жизни. Раннее средневековье провозглашало презрение к телу, его побуждения стремились обуздать, смирить - тело считалось «мерзкой оболочкой души». Позднее средневековье приходит к пониманию тела как «спутника души». Благодаря Византии и арабскому Востоку в жизни европейцев произошло событие достойное называться «культурной революцией». Европа начала мыться. Жители христианского Запада уделяли очень мало внимания личной гигиене, заботясь более о чистоте духа. Но под влиянием византийских и арабских традиций в обиход крестоносцев, а затем и всей Европы вошли бани, ванны с горячей водой, почти неизвестные в христианском мире. Культура Востока, о которой раньше европейская элита знала по ограниченному числу предметов роскоши, привезенному купцами, для крестоносцев стала повседневностью. Их поражала пышность левантийских городов, дешевизна продуктов, гастрономическая экзотика. На смену грубому чревоугодию и скудности рациона в Европу приходит утонченность вкуса и бездна новых продуктовых культур и товаров[16]. Самый древний из известных учебников кулинарии был написан около 1200 года для датского архиепископа, а к концу средневековья они распространяются по всему континенту[17].

Повышение значимости и ценности земной жизни нашло свое выражение так же и в эволюции отношения людей к смеху. Монашество раннего средневековья приучало христианское общество пренебрегать земным миром. Одним из проявлений этого было подавление смеха, самого постыдного из звучаний. *Отцы Римской церкви утверждали, что Иисус никогда не смеялся, и использовали в качестве доказательства Евангелие от Луки (6:25), где говорится: «Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете». Но они вырывают фразу из контекста. Она явно относится к «богатым и пресыщенным ныне» (6:24 и 6:25). А до сих пор повторяемые слова о том, что «никто не видел Его смеющимся, но наоборот, многие видели Его плачущим» относятся к IV столетию. Это апокрифическое письмо, приписываемое Публию Лентулу, другу Пилата, адресовано римскому сенату и, конечно, не подлинное.*

Франциск Ассизский всегда предстает веселым и советует своей братии (францисканцам) проявлять туже веселость. Французский король Людовик Святой был очень набожным, но воздерживался от смеха только по пятницам. О том, как он относился к жизни говорит одно из его высказываний. Отказавшись при угрозе кораблекрушения покинуть судно, король заметил: «Тем не менее нет никого, кто любил бы жизнь так, как я». И что особенно важно, куртуазная любовь, впервые со времен античности превозносит мирскую, земную любовь, существующую наряду с божественной, небесной.

---

[14] *Гуревич А.Я. Указ соч. С. 127.*
[15] *Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 35.*
[16] *В итальянском языке греча и сегодня именуется «сарацинским зерном». В 16 в. появились рафинадные заводы, а на поля пришли рис и шафран. Корица, майоран, кардамон, гвоздика стали завсегдатаями на рынках Европы.*
[17] *Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 36.*

Жорж Дюби

Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в.[18]

Этим понятием обычно обозначают новую форму отношений между мужчиной и женщиной, которую современники называли «fine amour», то есть «утонченная любовь». Историки литературы восстановили модель куртуазной любви по сохранившимся поэтическим текстам того времени. В центре ее находится замужняя женщина, «дама». Неженатый мужчина «юноша», обращает на нее внимание и загорается желанием. Отныне пораженный любовью (любовь тогда означала исключительно плотское влечение), он думает только о том, чтобы овладеть этой женщиной. Однако дама не может располагать своим телом, ибо она принадлежит мужу. Если она будет замечена в нарушении правил поведения, ее могут подвергнуть вместе с сообщником самому изуверскому наказанию.

Опасность игры придавала ей особую пикантность. Под покровом тайны, скрывая ее от посторонних глаз, влюбленный ожидал вознаграждения. Ритуал предписывал женщине уступить, но не сразу, а шаг за шагом умножая дозволенные ласки, с тем, чтобы еще больше разжечь желание почитателя. Одна из тем куртуазной лирики – описание мечты о высшем блаженстве. Однако по правилам игры он должен бесконечно оттягивать момент обладания возлюбленной. Удовольствие, таким образом, заключалось не столько в удовлетворении желания, сколько в ожидании. Само ожидание становилось высшим удовольствием.

Своим рождением куртуазная любовь обязана матримониальным обычаям того времени. Для ограничения наследственных разделов требовалось сократить количество браков, в которые вступали сыновья благородных родов. Обычно семья стремилась женить одного, чаще, старшего сына. Остальные оставались в большинстве своем холостыми. В XII веке рыцарство состояло главным образом из «юношей», взрослых неженатых мужчин, чувствовавших себя обездоленными и завидовавших мужьям. Они не испытывали ущемления в половой жизни, но проститутки, служанки и незаконнорожденные, к чьим услугам они прибегали, были слишком легкой добычей. Достоин восхищения был тот, кто овладевал женщиной своего круга. Символический подвиг заключался в том, чтобы дерзко соблазнить жену брата, дядюшки или сеньора, нарушив строгие запреты и презрев величайшую опасность, так как верности жен предъявлялись жесткие требования: от этого зависела правильность наследования. Двор был тем местом, где процветала охота за благородными женщинами. Следовало ввести эту охоту в рамки определенных правил.

Куртуазная литература разработала своеобразный кодекс, положения которого имели целью ограничить ущерб, наносимый сексуальной распущенностью. Рыцарь должен был уметь владеть собой, укрощать свои порывы. Правила игры, запрещавшие грубо овладевать женщинами хорошего общества, предполагали благородные пути для их завоевания. В то же время в языке трубадуров слову «любовь» постоянно сопутствует слово «дружба». Чтобы завоевать благосклонность той, кого рыцарь назвал своим «другом», он демонстрировал самоотречение, преданность, самоотверженность в служении. А это как раз те качества, которых сеньор требовал от вассала. Но от женщин тоже требовались смелость и осмотрительность: им следовало учиться держать себя в руках, владеть своими чувствами, бороться со своими недостатками – легкомыслием, лицемерием, чрезмерным вожделением.

Любовная игра не имела целью изменить существующий порядок подчинения женщины мужчине: как только игра кончалась, женщина возвращалась на отведенное ей Богом место, в непосредственную зависимость от мужчины. Однако способствуя душевному совершенствованию женщины, куртуазная любовь подготавливала тем самым условие для ее возвышения хотя бы в этом смысле. В игру включались и женатые мужчины. Они теперь также могли выбирать себе среди женщин «друга», которому служили как молодые рыцари. Куртуазные обычаи превратились в норму, и то что поэты некогда воспевали как подвиг, стало теперь обычным требованием хорошего тона.

Мужчины начали понимать, что женщина – это не только тело, что нужно сперва завоевать ее сердце, заручиться ее согласием, что следует признать за женщиной наличие особых достоинств. Так сформировался тип отношений между полами, характерный для западного общества. Еще и сегодня, несмотря на огромные перемены в этой области, яркой отличительной чертой европейской цивилизации являются традиции, унаследованные от куртуазной любви.

---

[18] *Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в.// Одиссей. Человек в истории. – М.: «Наука», 1990. С.90-96.*

3. Возрождение

В XIV-XV вв. начинается процесс радикального изменения европейской ментальности. Он завершится формированием новоевропейского человека в XIX веке. Это индивидуалист, отрицающий любые авторитеты, и это - человек, для которого относительность религиозных, моральных, политических и, вообще, любых стандартов - норма. В его душе культ Бога уступает место культу человека. Прологом этой грандиозной трансформации был Ренессанс, родиной – Италия.

Средневековая Италия. Со времен Карла Великого до середины XII века северная Италия оставалась разменной монетой в политических играх между папами и германскими императорами. С одной стороны, североитальянские города – это микроскопические элементы мозаичной Священной Римской империи, с другой – морские ворота Западной Европы. Сюда стекались богатства сказочного Востока и всего Старого Света.

Это позволило им бросить вызов императору, самому Фридриху Барбароссе. Его армия быстро заняла Милан, однако группа северных городов под предводительством Венеции (которая никогда не входила в империю) создала военный союз. В 1176 году после нескольких компаний он нанес окончательное поражение Фридриху при Леньяно. По мирному договору 1183 года в Констанце император передавал городам право самоуправления, издания законов и избрания консулов в обмен на уплату имперской пошлины – вскоре благополучно забытой. ***Таким образом, 1183 год оказался для итальянцев началом трехсотлетнего периода полной свободы.***

К 1200 году итальянская знать превратилась из немногочисленной прослойки сельской аристократии в весьма значительную группу коммерчески ориентированных горожан, которым власть нужна была для умножения состояния посредством торговли. Типичная коммуна представляла собой ассамблею знати, из числа участников которой выбиралось от 4 до 20 консулов – глав административной и судебной власти в городе. В подражание древнеримской традиции консулы занимали свою должность в течение одного года, а повторно избирались только через два года. Высшие сословия Древнего Рима тоже были предпринимателями – и всадники, и значительная часть сенаторов.

В это же время ремесленники и купцы, подобно своим коллегам по всей Европе, организовались в гильдии (по цеховому признаку), членство в которых скреплялось присягой. Мясники, строители, нотариусы, ткачи, купцы объединились не только для отстаивания своих профессиональных интересов. Вместе с ростом городской дворянской аристократии росло и городское насилие. Представитель знати мог убить простолюдина, не рискуя быть наказанным по закону, а наемные головорезы запугивали каждого, осмеливавшегося стать на пути их хозяина или посягнуть на его территорию. В ответ гильдии стали создавать квартальные ополчения. Участники этих добровольных формирований держали оружие под рукой днем и ночью, готовые мгновенно явиться на призыв своего капитана; они поддерживали жесткую дисциплину и были превосходно организованы. Пополаны (от popolo – народ), как называли эти гильдейские слои, пытались отстаивать право на политическое представительство на словах, но в конечном счете перехватывали власть силой оружия, особенно когда город терпел военное поражение. Во второй половине XIII века они установили свой режим правления во всех главных городах северной Италии, кроме Венецианской республики.

Большинство жителей обрели теперь чрезвычайный интерес к жизни своего города. Отныне их делом было не только прокормление семьи, но и решение административных вопросов, издание законов, городское планирование, помощь больным и немощным, служба в армии. Эпоха пополанских режимов в XIII веке стала временем крупнейшего роста населения и экономики итальянских городов. Волна энергичной деятельности захлестнула образование, финансы, военное строительство, политику, искусство и литературу. К 1300 году уровень грамотности в Италии был выше, чем в любом другом регионе Европы. Расширение числа участников гражданской администрации сопровождалось бурным всплеском обучения арифметике, счетоводству, коммерческой латыни и праву. К началу XIV века Италии насчитывалось около 300 городов, функционирующих как независимые республики.

Массовая социально-политическая активность горожан, атмосфера свободы и невиданное прежде материальное благополучие самых широких слоев итальянского города породили культуру раннего Ренессанса. Искусство стало средством самоутверждения пополанов – оно «канонизировало» их систему ценностей. Отсюда ***интерес к повседневности, десакрализация библейских сюжетов и выразительных средств художника, реализм мирского вместо стилизации и возвышенности священного.***

Реализм в искусстве Ренессанса. В 1303 году Энрике Сковеньи, падуанский купец, заказал художнику ***Джотто*** серию фресок в память о своем недавно усопшем родителе. Посвященные традиционной теме средневекового искусства – жизни и страданий Христа, они, тем не менее, несли целый ряд смелых нововведений. В запечатленных на фресках и полотнах библейских темах принимали участие простые итальянцы, а сами сцены разворачивались на фоне вполне обычного итальянского пейзажа. Например, «Оплакивание Христа» могло происходить где-то на обочине дороги в предместье Падуи. Главным же новшеством явилось то, что и люди, и сцены выглядели «как в жизни». Способность Джотто *создавать иллюзию трехмерности обозначила перелом в традиции итальянского искусства* – настолько радикальный, что понадобилось еще 70 лет, что бы другие художники научились успешно применять этот прием.

Мария Магдалина плачет у ног мертвого Христа, другие женские фигуры заламывают от горечи руки, праведные святые мужчины терпеливо переживают невосполнимую утрату, сидящие спиной к смотрящему величавые коренастые фигуры в знак траура облачили головы накидками, золотисто-белые летящие ангелы так по-человечески убиваются горем. Общий эмоциональный фон картины «Оплакивание Христа» – гениальный художественный прием Джотто. Все участники события вовлечены в происходящее, а положение их тел, детально прорисованные складки одежды, соотношение затемнений и освещенных участков создают невероятно реалистичную пространственную глубину картины.

Когда-то западная средневековая и византийская церковная роспись и рельефы создавались с целью вызвать благоговение и духовное переживание, как бы в помощь акту религиозного поклонения, а главным сюжетом был один из святых, или сам Спаситель в молитвенном предстоянии. Лучшие образцы канона представляли собой глубоко волнующие произведения искусства, однако столетия повторений и копирования стериотипизировали эти изображения и притупили эффект. Вместо того, чтобы запечатлеть святых угодников за молитвой, художники Ренессанса и их покровители хотели прославить гражданина, носителя цехового духа и республиканских убеждений.

Отход от средневекового искусства явно проступает в скульптурном изображении святого Георгия, созданном ***Донателло*** по заказу гильдии флорентийских оружейников. Оставаясь религиозной фигурой, у Донателло святой теряет в видимом благочестии и одухотворенности, но приобретает в решительности и физической мощи. Изваяние не должно было погрузить зрителей в возвышенное созерцательное состояние, художник явно хотел заставить их восхититься Георгием как человеком.

«Переоткрытие» античности. Начало XV века стало временем неожиданной волны интереса ко всему древнеримскому. Язык и литература классического Рима вошли в моду, один за другим выискивались до сих пор не известные широкой публике античные манускрипты. Останки древнеримского историка Тита Ливия эксгумировали и перенесли в ратушу его родной Падуи под почти религиозные восторги собравшегося народа. Брунеллески и ***Донателло*** потратили годы на раскопки в римских развалинах, в ходе которых они проводили измерения и покрывали тетради множеством пометок, чтобы вдохновленными вернуться во Флоренцию.

Эти развалины не вызывали никакого интереса у их предшественников, более того, *в глазах средневековых европейцев они были обагрены кровью христианских мучеников.* Увлечение античностью у Донателло и других мастеров, таким образом, знаменовало ***перемену в представлениях Европы о своем прошлом и начало процесса дехристианизации, кризиса религиозной веры.***

Интерес к римской классике не мог не пробудить интерес к классике греческой. В середине XIV века Бокаччо сетовал, на то, что в Италии некому научить греческому, однако к началу следующего века образованные люди из Византии уже знали, что могут обеспечить себе безбедное житье, преподавая греческий язык, литературу и философию сыновьям итальянских купцов и банкиров, которые выстраивались в очередь к византийским учителям. После 1453 года, когда Константинополь пал под натиском османов, Италию наводнили грекоговорящие беженцы и греческие манускрипты.

Около 1440 года Донателло отливает из бронзы статую Давида в «натуральную величину» (158 см). Это событие стало полным разрывом с христианской традицией в искусстве. Впервые со времен античности (спустя почти 1000 лет!) было создано изображение свободно стоящей обнажённой фигуры. Бросается, так же, в глаза женственность главного героя. И хотя Давид изображен с мертвой головой поверженного Голиафа у ног, его хрупкая и женственная фигура заставляет усомниться, что он мог нанести смертельный удар такому сильному противнику. В этой скульптуре Донателло соединил несовместимое: библейский сюжет стал формальным основанием для декларации полярной системы античных ценностей, в которой нарушение полового диморфизма и гомосексуальность являются нормой.

Мода на классику стала пропуском для бесконечной вереницы новых сюжетов и героев, сделавших порок, гомосексуальность, эротизм «приемлемыми для христиан». Такое переосмысление античности произошло под влиянием радикальных ментальных, социально-политических[19], климатических изменений и чудовищной по масштабу пандемии Черной смерти.

Ренессансный гуманизм. Художники и философы, элита и часть среднего класса не просто раздвинули рамки дозволенного в пределах христианской традиции, они едва не разрушили их –

[19] *Закончилась эпоха пополанских режимов, к власти пришла олигархия.*

утверждая иные представления о Боге и человеке, о добре и зле, о стандартах в поведении, жизни и творчестве. Гуманизм стал манифестом, новой философией и душой Западной цивилизации.

Франческо Петрарка (1304–1374), известный больше как замечательный поэт, первым обосновал идею гуманизма в философии. Главная проблема для поэта-философа — познание не Бога, а человека, ибо познанием Бога должны заниматься небожители. Попутно он замечает, что если не все небожители

преуспели в познании Бога, а некоторые, самые выдающиеся из них, даже отпали от Него, то что же говорить о человеке? *Человек тем более не может познать Бога и поэтому должен изучать только самого себя.* Поэтому акцент Петрарка ставит на познании всего многообразия своих чувств такими, какие они есть. Именно в этом пафос всего творчества Петрарки и его философских трактатов, писем, стихов. Себя он считает христианином, хотя и указывает на необходимость гуманизации существующего христианства, его направленности на человека. Именно Петрарка впервые вводит термин «гуманизм» и является основоположником гуманистического направления в ренессансной философии и — в более широком плане — основоположником гуманизма вообще.

Джованни Пи́ко де́лла Мира́ндола (1463-1494) *По происхождению это был богатый человек — граф Мирандолы и синьор Конкордии. Он унаследовал огромное состояние и весьма рано проявил свою одаренность. Мирандола рано стал интересоваться античной и восточной философией (в том числе еврейской каббалой), заниматься языками, и древними, и восточными, учился в Падуанском университете, побывал в Париже; для своей книги заказывал переводы с тех языков, которых он не знал (за переводы с арабского он расплачивался арабскими скакунами).*

В 1486 г. Мирандола пишет знаменитые «900 тезисов», рассылает их всем виднейшим мыслителям того времени и

предлагает им собраться в Риме, чтобы устроить диспут по предложенным им тезисам. Впоследствии эти тезисы были опубликованы в работе под названием «Речь о достоинстве человека». В своих тезисах Пико делла Мирандола собрал все, что он знал о всех философиях, и создал свою философскую систему, которая претендовала на объединение различных философий на основе античного платонизма. Однако о готовящемся диспуте узнал папа римский, и диспут был запрещен, а тезисы осуждены. От тюрьмы его спасло заступничество Лоренцо Медичи. Незадолго до смерти Пико стал монахом-доминиканцем.

В его трудах идея ренессансного гуманизма нашла наиболее яркое выражение. Он говорит на христианском языке, на деле, разрушая христианскую догматику (двумя веками ранее был бы осужден как еретик). Пико считает, что познание мира должно осуществляться посредством толкования Библии при помощи методов каббалы и числового мистицизма. Например, он пишет, что «буквы и числа являются более могущественными средствами в магической работе, нежели некоторые материальные величины»[20]. Пико думал, что таким образом он познает сам Дух Священного Писания, а не букву его, и в этом его идеи отражаются в манифестах розенкрейцеров XVII века. В своем сочинении «Apologia», призванном защитить и доказать значимость каббалы для христианской Европы, Пико пишет, что ни одна другая наука, кроме науки магической и каббалистической, не может лучше заверить в Божественности Христа. Естественная магия, как и магия Небесная, а также каббала, призваны вдохновить человека еще более на поклонение Богу, поскольку являет ему тайны мироздания.

Мир, считал Пико, вечен, ибо Бог, творящий его вечен. Сам мир прекрасен. Здесь он вторит многим своим современникам-гуманистам, но парадоксальным образом отвергает и отрицает наличие красоты в Боге, ибо красота, по его утверждению, предполагает в себе некоторую асимметрию, элемент безобразного. В Боге же нет никакой асимметрии, в Нем нет ничего безобразного, поэтому в Нем нет и никакой красоты. Пико делла Мирандола не отрицает библейскую картину мира, однако считает, что в Библии даны лишь некоторые образы, которые философ должен аллегорически истолковать. Одна из его трактовок выглядит так.

Весь мир есть то, в чем находится Бог, т.е. Бог есть все во всем; Бог — это совершенство вещей, их сущность. Поэтому Пико делает вывод: вещь, избавленная от несовершенства, есть Бог. Если мы утверждаем, что Бог есть все во всем и в каждой индивидуальной вещи есть Бог, то, поскольку Бог есть сущность, основа бытия этой вещи, можно сказать, что каждая вещь, лишенная своей индивидуальности, своего несовершенства, и представляет собою Бога.

---

[20] http://esocultism.ru/talismany/nashi-talismany/lyubovnye-talismany/

Свой вклад внес Мирандола в понимание природы и в научном смысле, ибо он был первым из философов, который стал утверждать, что Бог создает мир сообразно некоторым математическим законам. Эту мысль впоследствии афористично выскажет Галилей: «Книга природы написана языком математики».

Человек, по мысли Пико, представляет собой четвертый мир — не ангельский, не небесный и не элементарный (природный). Этот четвертый мир не находится ни на каком из этих уровней, человек абсолютно свободен и потому может поместить себя сам на любой из уровней этого мира. *Он может стать выше ангелов и опуститься ниже животных*. Человек пронизывает собою все миры и место в этой иерархии занимает по своей собственной воле. Он сам должен определить себя, ибо таким его создал Творец — полностью и абсолютно свободным. *Человек сам себя формирует, и каким он будет, зависит не от сочетания звезд, не от воли Бога, а только от собственной свободной воли человека.* Именно поэтому человек и является образом Божиим, но для того, чтобы стать действительно образом Божиим, человек должен направить свою свободную волю к Богу и достичь этого образа, стать им. Таким образом, Пико делла Мирандолы пытался видоизменить христианство, понять его с точки зрения интереса к человеку с новых, гуманистических позиций, то есть поставить в центр мира человека, а не Бога.

Гуманисты всегда прибегали в первую очередь к христианским аргументам, так как сами не выступали против Церкви. Более того, противопоставляя себя схоластическому[21] философствованию, они считали, что возрождают истинную Церковь, истинную веру в Бога. С другой стороны, и само христианское миросозерцание Запада во многом способствовало отходу от схоластической философии. Оно было рассудочным и, следовательно, основанном на критицизме и сомнении. При таком подходе часто понятие Бога отделялось от человека и Бог становился не центром мира, а объектом чисто теоретического познания, допускавшим разного рода толкования. Вскоре такие сомнения перешли в огульное отрицание Бога. Само схоластическое мировоззрение, таким образом, подготовило то явление, которое мы называем Возрождением.

В иерархии образованности и таланта люди, читавшие античных авторов, понимавшие искусство и размышлявшие над возвышенными предметами, оказались лучшей частью человечества. Остальные, вне зависимости от сословной принадлежности, отбрасывались в ряды плебса, «черни»[22]. Такое отношение к людям проистекало из глубокого убеждения ренессансных творцов в том, что мудрость труднодоступна, истина – непременно потаенна и открывается немногим избранным. «Являть плебсу высочайшие тайны божества, - пишет философ-гуманист Марсилио Фичино, - разве не значит бросать святыни псам и метать бисер среди свиней»[23]. «Кто чужд философии, тот не человек»[24], - вторит ему Пико делла Мирандола.

Это было не только декларацией интеллектуального и социального снобизма ренессансной элиты, но и секуляризацией знания. Представителем «сокровенной мудрости» выступал теперь не священник, не религиозный проповедник или книжник, а гуманист, то есть всякий способный человек, приобщившийся к словесности и искусству. Это означало, так же, установление новой системы ценностных координат. Подрывалась христианская трактовка избранности, столь высоко ставившая искренность и наивность, простоту веры необразованного ума и смиренность.

«Миф о Ренессансе», об эпохе Возрождения как «высшем проявлении освобожденного от средневековых пут свободного человеческого духа», по словам В.Багдасаряна, является одним из базовых мифов секулярного общества. Однако это клише, утверждает ученый, опровергается одним напоминанием о том, что пропаганда гуманизма проводилась в период «небывалого для средневековой Европы духовного разложения общества», когда «гиперболизировалась плотская сторона природы человека»[25].

Трансформация религиозной веры в иное мировидение и мироощущение очень быстро приобрела черты болезненного распада системы ценностей, нравственности и социума. Экологическая катастрофа континентального масштаба в XIV-XVвв., Черная смерть и дискредитация латинской церкви сделали системный кризис неизбежным.

---

[21] ***Схоластика*** *– (от греч. Σχολαστικός — «учёный», scholia — «школа») — систематическая европейская средневековая философия, сконцентрированная вокруг университетов. Характеризуется соединением теолого-догматических предпосылок с рационалистической методикой.*

[22] *«Я пишу не для черни, а для тебя и тебе подобных» (Из переписки философов М. Фичино и Э. Барбаро). Цит. по: Баткин Л.М. Указ. соч.. С. 65.*

[23] *Там же.*

[24] *Баренбойм П. Образ Моисея в творчестве Микеланджело. – Москва: ЛУМ, 2017. С. 37-38*

[25] *Багдасарян В. Под вывеской светского мировоззрения часто скрывается замаскированный сатанизм//http://interfax-religion.ru/?act=news&div=20488*

4. Природные катастрофы и духовный кризис XV–XVI вв.

Похолодание и Великий голод. В 1310-х гг. Европа от Ирландии до Белоруссии и Балкан пережила настоящую экологическую катастрофу. После традиционно тёплого лета 1311 года последовали четыре хмурых, дождливых лета и необыкновенно суровые зимы 1312—1315 годов. Последовавшие за ними неурожаи и резкий рост цен на продукты питания, вызвали острую нехватку пищи, длившуюся два года и сказывавшуюся ещё вплоть до 1322 года. В это время ежедневно умирали тысячи людей, общественные правила переставали действовать. Многие родители бросали своих детей, некоторые своих продавали, чтобы их спасти или купить себе еду, широко распространился каннибализм, необычайно выросла преступность, усилилось распространение болезней. Этот период имел серьёзные последствия для церкви, государства, европейского общества и будущих бедствий XIV века.

*Наступление Великого голода связывают с **Малым ледниковым периодом** (XIV—XIX вв.), причинами которого являются долговременные циклы солнечной активности (минимум Маундера), замедление Гольфстрима, а также извержения вулканов (возможно, Таравера в Новой Зеландии). Предельное похолодание в Европе относится примерно к 1433 году. В 1438 г. хроники отмечают столь суровую зиму, что дикие волки из Булонского леса забегали в поисках тепла на улицы Парижа. С конца XV века началось наступление ледников во многих горных странах и полярных районах. В Ла-Манше плавают айсберги, а Гренландия покрывается льдами. Попытки достигнуть Гренландии в последующие века обычно заканчивались неудачей и поселения потомков викингов вымирают. Средневековые легенды утверждают, что именно в это время от штормов в Атлантике погибли мифические острова — «Остров Дев» и «Остров Семи Городов».*

В XVII веке на юге Европы часто повторялись суровые и продолжительные зимы. В 1621—1669 годах замерзал пролив Босфор. В 1620—1621 годов в Падуе (Италия) выпадал снег «неслыханной глубины». Особенно холодным выдался 1665 год: во Франции и Германии, по свидетельствам современников, птицы замерзали в воздухе. По всей Европе наблюдался всплеск смертности.

Черная смерть. В 1346 – 1353 гг. по Азии, Европе, Гренландии и Северной Африке прокатилась волна чудовищной пандемии, известной под именем Черной смерти. Хотя и в меньших масштабах, пандемия повторилась в 1361 году («Вторая чума»), в 1369 году («Третья чума»). Лишь за два десятилетия погибло не менее 60 миллионов человек (во многих регионах — от трети до половины населения). Однако болезнь свирепствовала еще три столетия, посещая разные города Европы до нескольких десятков раз. Только с XVIII века на Западе бедствие смягчается.

По всей вероятности, чума распространилась из природного очага на территории пустыни Гоби в результате резкого изменения климата в Евразии, вызванного началом Малого ледникового периода. Охватив сначала Китай и Индию, Черная смерть проникла в Европу вместе с монгольскими войсками и торговыми караванами по Великому Шелковому пути.

Природным переносчиком болезни служит блоха Xenopsylla cheopis, в настоящее время паразитирующая на грызунах, а в Средние Века повсеместно распространенная и на людях. Блоха может заражаться чумой как при укусе больного животного (естественный хозяин чумной блохи — чёрная крыса), так и при укусе человека. Возбудитель проникает через повреждения кожи вследствие укуса блохи или больного чумой животного, через слизистую оболочку или воздушно-капельным путём. Затем он достигает лимфатических узлов, в которых начинает бурно размножаться и они теряют свою защитную функцию, превращаясь в «фабрику микробов».

Больные отличались повышенной раздражительностью, бились и бредили. Сохранившиеся источники рассказывают о «больных, бешено орущих из окон» - считается, что инфекция поражала также центральную нервную систему. Возбуждение сменялось чувством угнетённости, страха и тоски, болями в области сердца. Дыхание больных было коротким и прерывистым, часто сменяясь кашлем с кровохарканием или мокротой. Моча и кал окрашивались в чёрный цвет, кровь темнела до черноты, язык высыхал и также покрывался чёрным налётом. На теле возникали чёрные и синие пятна, бубоны, карбункулы.

Особенно поражал современников тяжёлый запах, исходивший от заболевших. Его средневековые врачи считали переносчиком заболевания, наряду с трупным смрадом и миазмами из недр земли. Поэтому основных способов защиты было два: карантин и очищение воздуха. Советовали перебраться в «скромный домик [в деревне], не подверженный сырости, вдали от кладбищ, скотомогильников и

грязной воды, а также от огородов, где растёт лук-порей, капуста или иные растения, на каковых имеют обыкновение оседать чумные миазмы[26].

Один генуэзский священник так перечислял необходимые предосторожности: не разговаривать с подозрительным горожанином, стоя так, чтобы на тебя дул ветер с его стороны; жечь ароматические вещества; стирать, а лучше сжигать одежду подозрительных на заболевание; в особенности же - молиться и усилить полицию[27].

Городские дома забаррикадированы, улицы пусты, ездит только служба доставляющая продовольствие; изредка пройдет чумной доктор[28], но чаще всего - безжалостные дозоры. Боясь заражения, монахи и священники подавали людям хлеб для причастия на ложке с длинной ручкой через специальную «чумную щель» в двери, а соборование проводили с помощью палки, с концом, смоченным в елее. Изредка священник служил мессу на перекрестке и заточенные в домах тайком наблюдали из окон. Часто мертвых не успевали хоронить и «улицы были полны трупов, наполовину сгнивших и объеденных собаками»[29].

Вначале с чумой пытались бороться с помощью молебнов и крестных ходов. Храмы были заполнены верующими, так как церковь рекомендовала «страх Божий, ибо Всевышний один может отвратить чумные миазмы». В 1350 году, в самый разгар эпидемии, папа Климент VI объявил очередной Святой год[30]. На Пасху в Рим собралось около 1 млн. 200 тыс. паломников, ищущих защиты от чумы, так как эпидемию считали наказанием за грехи. На Троицу к ним добавился ещё миллион, при том что в этой массе чума свирепствовала с таким ожесточением, что домой вернулась едва ли десятая часть. Но только за один этот год прибыль римской курии от их пожертвований составила астрономическую сумму в 17 миллионов флоринов. Наследникам умерших оставались буквально крохи, и некоторым муниципалитетам пришлось своим указом ограничить размер добровольных даяний.

Повальное бегство из городов, охваченных болезнью, породило анархию, панику и власть толпы. Из страха перед болезнью любого, вызывавшего малейшие подозрения, силой волокли в лазарет, бывший, если верить хроникам того времени, столь ужасным местом, что многие предпочитали покончить с собой, лишь бы не оказаться там. Понимая, что завтрашний день может и не наступить, множество людей предавалось чревоугодию и пьянству, проматывая деньги с женщинами лёгкого поведения, что ещё больше усиливало разгул эпидемии. Могильщики, набиравшиеся из каторжников и галерных рабов, бесчинствовали в городах, покинутых властью, врывались в дома, убивая и грабя. Молодых женщин, больных и умирающих продавали желающим совершить насилие.

---

[26] Ле Гофф Ж., Трюон Н. Болезнь и медицина // История тела в Средние века. — М.: Текст, 2008.

[27] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. С. 101.

*[28] **Чумной доктор.** Чума практически не лечилась, действия сводились лишь к вырезанию или прижиганию чумных бубонов. Чумные врачи практиковали кровопускание и другие меры, такие, как помещение лягушек на бубоны, чтобы «сбалансировать соки нормальной жизни». Некоторые врачеватели чумы носили «защитный костюм». Помимо характерной «клювастой» маски, он включал в себя длинную, от шеи до лодыжек, рубашку, узкие брюки, перчатки, ботинки и шляпу. Все элементы костюма выполнялись из вощёной кожи или, на худой конец, из грубого холста, пропитанного воском. «Клюв» защищал врача от «болезнетворного запаха», то есть являлся прообразом современных респираторов. Он был заполнен сильно пахнущими лекарственными травами, которые облегчали дыхание при постоянном чумном смраде. Многие верили, что запах более сильный, чем миазмы больных и покойников может оградить от болезни. Кроме того, доктор помещал ладан на специальной губке в ноздри и уши. Чтобы он сам не задохнулся от всего этого букета запахов, в клюве имелись два небольших вентиляционных отверстия. Как и противогазы двадцатого столетия, маска имела стеклянные вставки, защищающие глаза.*

[29] Бродель Ф. Там же. С. 102.

*[30] **Святой год** объявлялся один раз в 50 лет, в течение которого допускается возможность получения полной индульгенции, то есть прощения всех временных наказаний за грехи.*

«Триумф смерти». *Картина* ***Питера Брейгеля (Старшего)****, 1562 г. Трагическая реальность средневековой жизни и ощущение духа времени представлены художником как зловещий фантастический мир, в котором люди бессильны перед лицом алчности, жестокости, человеческого безумия и смерти.*

Обыватели не могли поверить, что подобная катастрофа может иметь естественное происхождение. Чумной яд, в форме порошка, или как чаще полагали — мази, распространяется отравителями. На роль таковых были определены евреи.

Молва утверждала, что они, желая скорейшей гибели своих врагов, тайно собрались в Толедо и решили извести христиан ядом, приготовленным колдовским способом из плоти и крови совы с примесью перемолотых в порошок ядовитых пауков. В качестве доказательства ссылались на письмо евреев к эмиру, датированному 1321 годом и найденном при обыске у иудея Бананиаса в Анжу.

Обезумевшие толпы в Германии, Швейцарии, Италии, Испании, получив в своё распоряжение «доказательства» виновности иудеев и загоревшись надеждой победить эпидемию, устраивали кровавые самосуды, порой с поощрения или молчаливого согласия властей. То, что эпидемия убивала обитателей еврейских кварталов не меньше, чем христиан, никого не смущало. Трупы своих жертв погромщики бросали на растерзание собакам и птицам. Норвежский король приказал истребить евреев в целях профилактики, узнав, что чума приближается к границам его государства. Убивали и прокажённых «как пособников евреев, купленных за золото».

В народе усиливался ропот, разочаровавшиеся в возможностях официальной церкви защитить своих «овец» от чумы, миряне стали задаваться вопросом, не грехи ли церковников вызвали Божий гнев. Вспоминались и уже вслух рассказывались истории о блуде, интригах и даже убийствах, случавшихся в монастырях. Эти настроения, бывшие крайне опасными для церкви, усиливались, благодаря политике римских пап. Вторая половина XIII и весь XIV век были временем нарастающего кризиса власти понтификов. Падение их авторитета на закате крестоносного движения, появление антипап (когда папы спорили за власть и этот спор происходил с нарушением всех норм христианской морали и права) порождали в умах людей сомнения в справедливости существовавших нравственных устоев, уход в свободомыслие и отрицание христианских идеалов.

В конечном итоге все это вылились в мощные еретические движения последующих времён, распространение сатанизма, оккультных практик и Реформацию.

Латинская церковь и духовный кризис в Европе XV-XVI вв. В XV веке разложение и коррупция охватили большую часть духовенства. Папская курия и понтифики были плоть от плоти новой итальянской элиты, которая владела банковскими и торговыми империями трансконтинентальных масштабов. Коллегия кардиналов была переполнена выходцами из знатных итальянских семейств, торговавшихся между собой за папское место, в котором они видели сказочный источник дохода. Беспринципные в выборе средств, коррумпированные, циничные убийцы, содомиты и тираны правили бал в римской церкви. Сохранились декреты пап и епископов, запрещавшие священникам держать мясные лавки, кабаки и публичные дома, призывавшие их прекратить блуд и пьянство – так боролись с пороками, в которых сами и погрязли. Те же люди в рясах и таирах покровительствовали искусству и науке.

Живым воплощением этой фантасмагории в XV веке был Сикст IV (время понтификата 1471-1484). Его именем названы Сикстинская капелла при папских покоях в Ватикане и парадный зал Ватиканской апостольской библиотеки. Он восстановил 30 ветхих церквей Рима, а также построил семь новых. В начале своего папства в 1471 году Сикст пожертвовал несколько исторически ценных римских скульптур, которые заложили основу папской коллекции искусства, которая в конечном итоге переросла в первый в мире публичный музей - Капитолийский. В дополнение к этому, Сикст был покровителем наук. Он издал папскую буллу, позволявшую епископам передавать тела казненных преступников и неопознанные трупы врачам и художникам для вскрытия. Именно этот доступ к трупам позволил анатому Везалию завершить революционный трактат «О строении человеческого тела».

Идеалом Сикста IV было создание из папства (по образцу других княжеств Италии) светской монархии, управляемой кардиналами, связанными с папой родственными узами. Он возвёл в кардинальское достоинство пять своих ставленников, а десять других назначил на высокие церковные должности. Папа стал продвигать своих родственников и по светской карьерной лестнице, ввергая ради этого Италию в многолетние войны. Его племянников упорные слухи называли бастардами папы, хотя доказательств этого нет. Один из них, Джироламо, стал главнокомандующим войск Рима, синьором Имолы, Форли и зятем миланского герцога Галеаццо Сфорца.

Своего апогея процесс нравственной деградации элиты достиг при Александре VI Борджиа. Ещё при жизни он был заклеймён своими политическими противниками как «чудовище разврата» — сожитель собственной дочери, родившей ему сына; в кровосмесительной связи с Лукрецией Борджиа обвинялись так же и трое ее братьев. Кроме того, римский папа обладал репутацией маниакального убийцы-отравителя, «аптекаря сатаны». Современники подозревали, что нуждаясь в деньгах, он травил ядом богатых кардиналов, чьё имущество после их смерти по традиции возвращалось в папскую казну.

Правдоподобие имеет только одно обвинение: в 1504 году при папе Юлии II слуга внезапно умершего годом ранее кардинала Микьели признался в тюрьме, что отравил своего хозяина по приказу Борджиа. Подлинность всех прочих обвинений теперь установить невозможно. Важно другое – так думали о нем его современники, а реальные события могли быть истолкованы только как подтверждение цинизма, беспринципности и порочности папы и римской курии.

Сын Александра VI, Чезаре Борджиа, стал «достойным» хранителем политических и этических традиций отца. Его современник Никколо Макиавелли писал: «Эта часть действий герцога [Чезаре] достойна внимания и подражания, почему я желал бы остановиться на ней особо. Дабы подчинить Романью, он вручил всю полноту власти мессеру Рамиро де Орко, человеку нрава резкого и крутого. Тот в короткое время умиротворил Романью, пресек распри и навел трепет на всю округу. Тогда герцог рассудил, что чрезмерное сосредоточение власти больше не нужно, ибо может озлобить подданных и учредил гражданский суд. Но зная, что минувшие строгости все-таки настроили против него народ, он решил обелить себя, показав, что в жестокостях повинен не он, а наместник. И вот однажды утром на площади по его приказу положили разрубленное пополам тело мессера Рамиро де Оро рядом с колодой и окровавленным мечом. Свирепость этого зрелища одновременно удовлетворила и ошеломил народ... Обозревая действия герцога, я не нахожу в чем можно было бы его упрекнуть. Ибо, имея великий замысел и высокую цель, он не мог действовать иначе».

Сексуальные оргии Чезаре Борджиа в Апостольском дворце (официальной резиденции римского папы) с участием десятков куртизанок и множества священников буднично фиксируются в официальных отчетах как банкеты. Лоренцо Медичи назвал Рим «отхожим местом, объединившим все пороки», а Петрарка писал, что «достаточно увидеть Рим, чтобы потерять веру».

Волны социального разложения и нравственной деградации распространялись по Италии и Европе вместе с Черной смертью и климатическими катаклизмами, охватывая самые широкие слои общества. Ситуация усугублялась безумным хаосом войн[31], когда обыкновением стало передвижение границ, перемена союзников, предательство и мятежи. Так окончательно рушились представления о человеке, как о некоем благородном существе.

В обществе утвердилось новое понимание добродетели, ставшее ядром ренессансной системы ценностей - добродетели свободной от христианской морали, понимаемой как полнота способностей[32].

В результате светская культура оказалась системой, "впервые в мировой истории выстраиваемой вне координат добра и зла. По существу, это означало то, что мир отдается на откуп злу»[33]. Жизнь и творчество титанов Возрождения стали воплощением этой системы ценностей.

5. Высокое Возрождение.

Еще в начале XV века к художникам относились примерно так же, как плотникам, каменщикам, стеклодувам и другим ремесленникам. Даже спустя 100 лет социальный статус живописца и особенно скульптора был не высоким. Когда Граначчи, первый учитель Микеланджело, попытался втолковать отцу своего питомца разницу между скульптором и каменотесом, старик отказывался его понять[34].

Изменения начались благодаря, казалось бы, незначительному техническому усовершенствованию. В 1430-х годах Ян ван Эйк научился достигать поразительного живописного эффекта, разводя краски на масляной основе[35]. Эта техника позволяла наносить красочное покрытие тончайшими прозрачными слоями, что позволяло воспроизводить одновременно глубину и поверхность. Возникал эффект почти волшебной имитации реального мира. Картина оказалась транспортабельным предметом роскоши, идеально подходящим для строившихся палаццо[36]. Стоило богатым покровителям обнаружить какого поразительного сходства (и часто лестного) изображения с моделью могут добиваться живописцы, как *жанр портрета*, практически отсутствующий до 1450 года, стал необычайно популярным. Это имело далеко идущие последствия – начался процесс *превращения искусства из публичного - в частное достояние элиты.*

Искусство Ренессанса и олигархия. *Во второй половине XIV века экономика многих итальянских городов вступила в период застоя. Финансовые неурядицы обрушили старые флорентийские банковские империи Барди и Перуцци, чума уничтожила половину населения и значительно сократила хозяйственную деятельность. В условиях экономической стагнации новым купеческим домам постепенно удалось прибрать к рукам значительную долю производства, торговли и богатства. Теперь рента с сельских территорий, поступавшая в город, тоже оседала в карманах нескольких влиятельных семей. Они сделалась патронами своих гильдий и основными заказчиками для скульпторов, архитекторов и художников, потеснив в этом отношении церковь и гильдии.*

Классические тексты Сенеки и Цицерона говорили этим состоятельным мирянам гораздо более понятные вещи, нежели библейские притчи или поучения богословов. Естественно, прежние представления о добродетели не

---

[31] Столетняя война Англии и Франции, война гвельфов и гибеллинов в Италии, гражданские войны в Испании и Португалии, нашествие монголо-татар, дошедших до Германии, Венгрии и Адриатического моря; завоевание Балканских стран турками-османами.

[32] «Что есть счастье? – Чувство растущей власти, не добродетель, но полнота способностей (в стиле Ренессанса, virtus, добродетель свободная от морали)». - Ф. Ницше. Антихрист. Проклятие христианству – Сочинения в двух томах. Т.2. – М.: Издательство «Мысль», 1990. С. 633.

[33] В.Э. Багдасарян. Секуляризм как религиозный проект// http://vbagdasaryan.ru/sekulyarizm-kak-religioznyiy-proekt/ 13 августа 2018 г.

[34] Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. – М.: Издательство «Наука», 1978. С. 43.

*[35] До этого использовалась **темпера** - разбавляемые водой краски, приготовленные на основе сухих порошковых пигментов. Связующим веществом темперных красок служили эмульсии — разбавленный водой желток куриного яйца или цельное яйцо.*

*[36] **Палаццо** - итальянский городской дворец-особняк XV—XVIII вв.*

могли устоять в этой ситуации. Во-первых, отказ от мирского богатства (необходимость которого провозглашалась Писанием и буллами папы Григория I) попросту перестал быть возможным, а, во-вторых, под рукой уже имелась другая мораль, сформулированная античными авторами и ренессансными гуманистами.

Те, кто обладал богатством и честолюбием, больше не желали стыдиться – купцы эпохи Возрождения, хотели тратить деньги на прекрасные предметы и при этом чувствовать себя добродетельными в той же мере, в какой ощущали себя их предшественники, жертвовавшие на церкви, монастыри и приюты.

Тон задавала аристократия. Герцог Миланский, прибывший в 1471 году с государственным визитом во Флоренцию, возглавил процессию, которая состояла из двух тысяч лошадей, 200 вьючных мулов, 10 тысяч гончих собак и нескольких тысяч придворных. Кортеж был убран в шитый золотом и серебром бархат, а его общая стоимость составляла 200 тысяч дукатов (при годовом жаловании чернорабочего в 15 дукатов). Лукрецию Борджиа, в ее свадебном путешествии сопровождало 700 придворных, приданное, которое она везла, составляло 100 тысяч дукатов.

Выставление на показ личного богатства, да еще столь чрезмерное, было новым феноменом для Италии, однако этим не ограничивалось. Знатные семьи заказывали живописцам и скульпторам изображения себя, своих родственников, детей, даже своих собак и каждый стремился превзойти конкурентов. Поначалу многие портреты исполнялись как произведения на религиозные темы: Монтенья написал Гонзага в виде Святого семейства, молодой Лоренцо Медичи был представлен одним из главных персонажей «Шествия волхвов» Гоццоли, а Тициан изобразил членов семьи Пизаро вместе со святыми, собравшимися у престола Богоматери. Библейские сцены в угоду заказчикам часто обрамлялись обилием тщательно выписанных дорогостоящих предметов. Кроме того, наряду с христианством были узаконены и классические сюжеты. Одним из них стало знаменитое полотно Боттичелли «Рождение Венеры», созданное по поручению дома Медичи. Появляется ряд необычных новшеств: роскошные династические гробницы, античные по сюжетам и стилю украшения дворцовых интерьеров, индивидуальные портреты, а имена заказчиков упоминаются на алтарных росписях и фасадах храмов.

Искусство Ренессанса и его творцы. Художники Высокого Возрождения завершили революцию в искусстве, начатую Джотто. Они разработали и внедрили такие живописные приемы как пространственная перспектива (Мазаччо), пастозная техника[37] (Тициан), сфумато[38], золотое сечение[39] и лессировка[40] (Леонардо). Лучшие картины да Винчи создавал, используя эту удивительную живописную технику. Ее основная сложность заключается в мельчайших мазках (около четверти миллиметров), не доступных для распознания ни под микроскопом, ни с помощью рентгена. Таким образом, для написания картины да Винчи потребовалось несколько сотен сеансов. Изображение Джоконды состоит приблизительно из 30 слоев жидкой, почти прозрачной масляной краски. Для такой ювелирной работы да Винчи, по-видимому, приходилось одновременно с кистью пользоваться и лупой. В сочетании с редкостной силой эмоционального воздействия героев картин на зрителя, эти инновации сделали Ренессанс одной из вершин Западной культуры. Однако его влияние на социальную и духовную жизнь было не однозначным.

В течение XV-XVI вв. художники и скульпторы Италии завоевали всеевропейскую известность. Столь велика была их слава, что снабжавшие их заказами могущественные правители надеялись обрести своего рода бессмертие в ее отблесках. Семья Сфорца, правящая династия в Милане, заказала Леонардо да Винчи огромную конную статую Франческо Сфорца, зная, что творение Леонардо будет жить всегда[41], а папа Юлий II стремился стяжать вечность не молитвой, а поручением Микеланджело оформить свою усыпальницу.

В чем же секрет успеха ренессансных творцов у представителей европейской элиты как в прошлом, так и сегодня? Конечно Чезаре Борджиа не читал записей Леонардо да Винчи по теории живописного приема сфумато, а Франческо Сфорца не восхищался его инженерными фантазиями по созданию летательных аппаратов, танков на

---

[37] ***Пастозная техника*** *предполагает работу плотными, непросвечивающими (кроющими) слоями, мазками краски, иногда создающими рельефность.*

[38] ***Сфумато*** *– изобретенная Леонардо да Винчи техника живописи. Заключается в изображении предметов не имеющих четких границ. Все должно быть как в жизни: размыто, проникать одно в другое, дышать. Да Винчи практиковался в этой технике, разглядывая возникающие от сырости пятна на стенах, пепел, облака или грязь. Он специально окуривал дымом помещение, где работал, чтобы в клубах выискивать образы.*

[39] ***Золотым сечением*** *называют деление отрезка на две неравные части так, что меньшая часть относится к большей, как большая ко всему отрезку.*

[40] ***Лессировка*** *- техника получения глубоких переливчатых цветов за счет нанесения полупрозрачных красок поверх основного цвета.*

[41] *Позднее статуя была разрушена врагами семьи.*

конной тяге, парашютов[42] *и т.п. Не за эти изыскания власть имущие ценили и ценят прославленных художников. Их искусство было созвучно мироощущению рождавшейся цивилизации Запада и его системе ценностей. «Мир, в котором мы сегодня обитаем, - пишет современный историк Лиза Джордин, - с его безжалостной конкуренцией, яростным изобретениям – этот мир был сотворен в эпоху Возрождения»*[43].

Великие художники были призваны в Рим (в Милан, Флоренцию и т.д.), чтобы послужить прославлению папского (или герцогского) престола. И они славили его, и служили ему[44], освещая своим искусством растленный, уродливый мир элиты, ибо были его органической частью. «Как бы ни соблазнительно было считать этот период временем культурного возрождения и художественной красоты, достижения Ренессанса сосуществовали параллельно с мрачной, грязной, даже дьявольской реальностью. Величайшие памятники Ренессанса не были бы созданы, если бы величайшие художники, писатели и философы не погружались бы в глубины порока и деградации. Одно зависело от другого»[45].

Что должно было перевернуться в «христианской» душе заказчиков и творцов ренессансного искусства, что бы образ Девы Марии обрел черты куртизанок и любовниц римского папы Александра VI[46] или Рафаэля[47], а Иисус Христос и Иоанн Креститель предстали в облике любовника Леонардо?

В отсутствие подлинно гражданского общества, возвеличиванию которого посвящали свое творчество их предшественники, художники Высокого Возрождения все чаще отворачивались от действительности и обращались к надмирному. Их картины и скульптуры, хотя и выполненные в реалистичной манере, несли либо отсвет неземного сияния, либо отблески геенны огненной.

Леонардо да Винчи стал ключевой фигурой «культурного кода» Западной цивилизации неслучайно. Его Джоконда и ряд других картин стали самой яркой манифестацией новой системы ценностей, прямо противоположной идеалам христианства. Уолтер Патер, восхищавшийся Леонардо, восклицал: «Весь опыт мира собран здесь (в Джоконде – А.К.) и воплощен в форму женщины. Животное начало в отношении к жизни в Древней Греции, страстность мира, грехи Борджиа… Она старше скал, среди которых сидит, как вампир она умирала множество раз и познала тайны гробницы… как Леда была матерью Елены Прекрасной, как святая Анна – матерью Марии Марии и все это было для нее не более чем звуком лиры или флейты»[48]. Искусный наблюдатель увидел «животное», «познавшее гробницу» и извращенное в стиле Борджиа, почувствовал ее отчуждение от мира («все это не более чем…»), но все это принял и восхитился.

Другой апологет гения Р. Уолллэйс отмечает: «Леонардо смотрит на свою модель с тревожащей воображение бесчувственностью: мона Лиза одновременно кажется сладострастной и холодной, прекрасной - и даже отвратительной»[49]. Одним из первых и тех немногих, кто увидел исключительно негативную суть Джаконды был русский философ А.Ф. Лосев. «Стоит только всмотреться в глаза Джоконды, - пишет он, - как можно без труда заметить, что она, собственно говоря, совсем не улыбается. Это не улыбка, но хищная физиономия с холодными глазами и отчетливым знанием беспомощности той жертвы, которой Джоконда хочет овладеть[50] и в которой кроме слабости она рассчитывает еще на бессилие перед овладевшим ею скверным чувством»[51].

Леонардо создает целую галерею зловещих, холодных и впечатляющих образов, с сознательно нарушенными пропорциями тел, лиц, подчеркнутой асимметрией их физического и духовного строя.

---

[42] *Эти инженерные проекты Леонардо, как доказала экспериментальная история, оказались не выполнимыми (за исключением парашюта).*

[43] *Цит. по: Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. – М.: АСТ: Хранитель, 2008. С.320.*

[44] *Леонардо, например, служил Чезаре Борджиа в качестве военного инженера.*

[45] *Ли А. Безобразный Ренессанс. Секс, жестокость, разврат в век красоты. – М.: Кучково поле, 2016. С. 16.*

[46] *Это было богохульством — на фреске в Ватикане папа Алессандро VI поклоняется Мадонне с младенцем, и художник Пинтуриккио в виде Мадонны изобразил Джулию Фарнезе — известную любовницу Папы. Поэтому взгляд Папы, полный экстаза совсем не духовного.*

[47] *Куртизанка Форнарина изображена на двух знаменитых картинах Рафаэля — «Форнарина» и «Донна Велата». Она послужила прототипом «Сикстинской Мадонны», а также некоторых других женских образов Рафаэля (называют, например, «Мадонну делла Седия» и «Фригийскую сивиллу», а также фигуру в Станце д'Элиодоро и Психею на фреске виллы Фарнезины).*

[48] *Уоллэйс Р. Мир Леонардо. – М.: Издательский центр «Терра», 1996. С. 140.*

[49] *Там же. С. 127.*

[50] *Тот факт, что картина непонятным образом воздействует на тех, кто долго смотрит на нее, отмечал еще в XIX веке Стендаль, который сам после долгого любования ею упал в обморок. На сегодняшний день таких документально зафиксированных обмороков зарегистрировано более сотни. Это случалось и с самим Леонардо.*

[51] *Цит. по: Брагина Л. М. Творчество Леонардо да Винчи в отечественной историографии// http://www.vinci.ru/mk_10.html*

Однако они обычно вписаны в позитивный для восприятия контекст, благодаря сюжету картины и (или) соединению полярных свойств и начал (красоты и уродства, добра и зла и т.п.). «Последняя картина Леонардо выполнялась не по заказу, а по внутреннему побуждению: «Святой Иоанн Креститель» – самая тревожащая из его картин. Поклонники Леонардо многое отдали, что бы он вовсе не писал ее. Аскетичный предтеча Христа, которого обычно представляют худым, фанатичным воителем за веру, выглядит почти гермафродитом»[52]. Так был запечатлен Салаи, известный как любовник и ученик художника, которому была завещана Джоконда. Леонардо не раз изображал его в своих картинах не только в облике гермафродита («Иоан Креститель», «Леда и лебедь»[53]), но и самого Христа. Его «Спаситель мира» держит в руках атрибут черной магии – стеклянный шар. В оккультной практике он использовался для предсказаний, связи с умершими людьми или сверхъестественными существами. В таком контексте маниакальная склонность художника к использованию зеркального шрифта может быть истолкована как дань сатанизму: в средневековой Европе договор с дьяволом писался не только кровью, но обычно с использованием зеркального шрифта.

Спаситель мира

Иоанн Креститель

[52] *Уоллэйс Р. Указ. соч. С. 127.*

[53] *Сегодня картина «Леда и лебедь» известна в основном по копиям других художников. В качестве первой живописной копии называют картину из галереи Уффици, приписываемую Франческо Мельци (ок. 1515).*

Портрет госпожи Лизы дель Джоко́ндо

Леда и лебедь (копия)

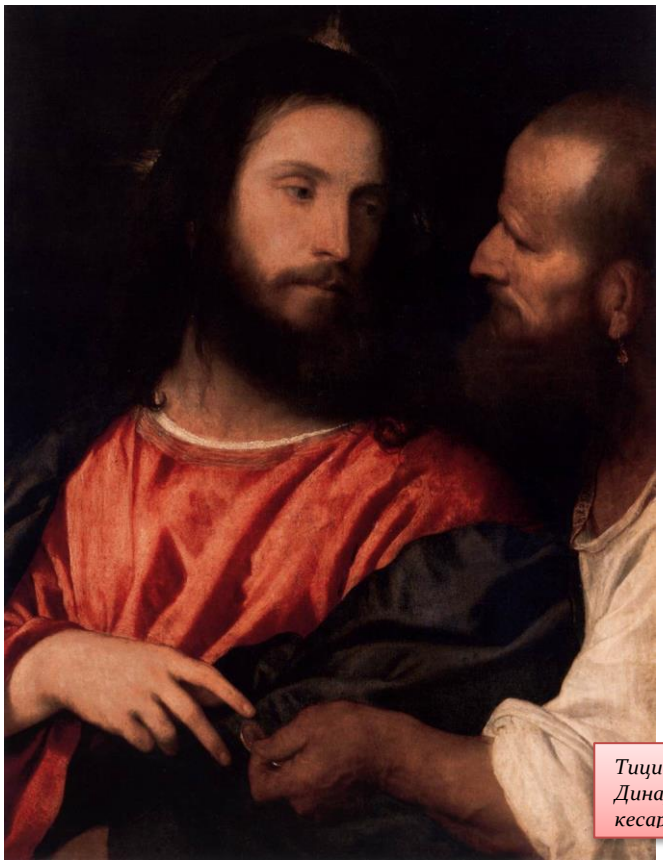
Выражение отчуждения и бестрепетного зла читается в образе архангела Гавриила в «Благовещении», тогда как *библейский сюжет предполагает совершенно иное. «Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! …не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнёшь во чреве, и родишь Сына, и наречёшь Ему имя: Иисус»[54]. Слова архангела Гавриила — «Радуйся, Благодатная» — стали первой (!) благой вестью для человечества после его грехопадения. С картины же Леонардо предстает не столько радостный ангел, сколько мрачный демон.*

[54] *Евангелие от Луки. 1:28-33.*

После того как Рим пал и подвергся разграблению немецкими и испанскими солдатами (в 1527 г.), центром итальянского новаторского искусства сделалась Венеция, последняя из независимых республик. Скорее здесь, чем в работах художников флорентийской школы, мы обнаружим «отсвет неземного сияния». Венецианская живопись в XV веке находилась под влиянием двух культур — византийской и нидерландской. Одухотворённое величие византийских иконных образов и скрупулёзный натурализм северной школы послужили основой для становления творчества ***Джованни Беллини.*** Он создает галерею светлых и психологически точных образов – будь то картина на религиозную тему, парадный портрет или рисунок обнаженной женщины.

Беллини. Греческая мадонна

Беллини. Портрет молодой обнаженной женщины с зеркалом



Тициан. Динарий кесаря

Портрет дожа Леонардо Лоредано

После смерти Беллини в 1517 году ***Тициану Вечеллио*** был присвоен титул первого художника Венецианской республики. С редким искусством Тициан находил для каждого портрета наилучшее композиционное решение, выбирал характерные для модели позу, выражение лица, движение, жест (как, например, в картине «Динарий кесаря»[55]). Это в немалой степени определило глубочайший психологизм и эмоциональность тициановских портретов.

Сюжет картины отображает момент, когда фарисеи, недовольные разоблачениями со стороны Христа их высокомерия и подлостей по отношению к другим людям, решили погубить его. Но испугавшись сами убивать Христа, решили сделать это руками римлян. Для этого фарисеи придумали хитрый план. Они подослали одного из фарисеев к Христу с серебряной монетой — динарием. Тот протянул монету Христу и спросил его: «Нужно ли платить жителям Иудеи налоги римскому императору (Кесарю)? Ведь Рим очень далеко от Иудеи и Кесаря никто никогда и не видел». Смысл этого вопроса-ловушки заключался в том, что если Христос скажет, что платить подати в Рим необходимо, то фарисеи смогут настроить против него население Иудеи. Если же Христос ответит, что подати платить не надо, фарисеи смогут донести на него римским властям и Христос будет жестоко наказан. Но Христос попросил фарисея показать ему монету и сказать, что на ней изображено. И фарисей, удивившись неожиданному вопросу ответил, что на одной стороне монеты изображен кесарь, а на второй стороне — Бог (На древних монетах Рима практически всегда изображался портрет императора, а на другой стороне один из древнеримских богов). И Христос сказал: «Так отдай Богу богово, а кесарю кесарево!» Фарисеи были потрясены этим совершенно для них неожиданным ответом и в смятении быстро удалились.

В «Портрете Карла V в кресле» нет парадности, есть лишь уникальная человеческая личность, изображенная с великолепным психологическим мастерством[56]. Считается, что никто из художников итальянского Возрождения (кроме, быть может, Рафаэля) не обладал способностью Тициана столь точно раскрывать суть личности персонажа и состояния ее души.

«Венера Урбинская» кисти Тициана стала эротическим символом эпохи высокого Возрождения. Обнаженная женщина наряду с обнаженным мужчиной приобретают в Италии XV - XVI веков значение художественной нормы. Нагота воспринимается не как изображение человека, с которого совлечена одежда. В ней художники видят естественное состояние человека, его художественную идею. Нагота как воплощение нравственной чистоты, целомудрия, истины противополагалась художниками Возрождения «одетости», как «правда обнаженная» - «правде украшенной» [57].

Однако до заката эпохи Возрождения оставались считанные годы. И если вторжение иностранных войск прозвучало похоронным звоном по Ренессансу, то начавшаяся вскоре Контрреформация забила последний гвоздь в крышку его гроба. В 1542 году, когда германские протестантские государства вступили в открытое противостояние с церковью, Рим вернулся к суровой церковной ортодоксии. Богохульные картины и фрески уничтожались. Престарелый Микеланджело дожил до того момента, когда ему запретили рисовать обнаженные тела, а в **1563** году папский престол опубликовал список запрещенных книг, в который попали сочинения не только Боккаччо и Макиавелли, но и Данте, Пьетро Бембо[58], Кастильоне и других. Итальянское Возрождение подошло к концу.

---

[55] ***Картина «Динарий кесаря».*** *Если в образе Христа преобладает идеально-возвышенное начало, то в облике фарисея решительно подчёркнута некая заземлённая конкретность, его низость, ничтожество, полное пороками. Его рука смугла жилиста, горбоносый профиль резок, лицо морщинисто, в ухе поблескивает серьга. Это как бы сама реальность, наделённая энергией и настойчивостью, грубая и отвратительная. Мощно написанная фигура едва появляется на картине. Тему встречи двух противоположных миров, мира возвышенных идеалов и реальной действительности, словно скрепляет и завершает, создаёт некую связь, выразительный контраст тонкой руки Христа, которая никогда не коснётся монеты, на которую он указывает, и мощной руки фарисея, крепко сжавшей серебряный динарий.*

[56] ***«Портрет Карла V в кресле».*** *48-летний Карл (император Священной римской империи Германской нации) выглядит рано постаревшим, на бледном лике лежит печать тяжести его высокого ранга. Но Тициан видит не усталого старика, не больного усталого монарха, который в ту пору уже думал об отречении. Его телесная слабость, кажется незначимой по сравнению с духовной силой, явно ощутимой во взгляде из-под слегка приподнятых бровей его глубоко посаженных вопрошающих глаз. Морщина на лбу и тонкие губы выражают предельную концентрацию, а в уголках рта можно угадать следы улыбки. Худое, изжелта-бледное лицо хотя и выдаёт страдания, вызванные подагрой, но одновременно выражает постоянное напряжение воли, решительную твёрдость характера.*

[57] *Это не было абсолютным правилом. Художники изображали и похоть и развращенную бездуховность*

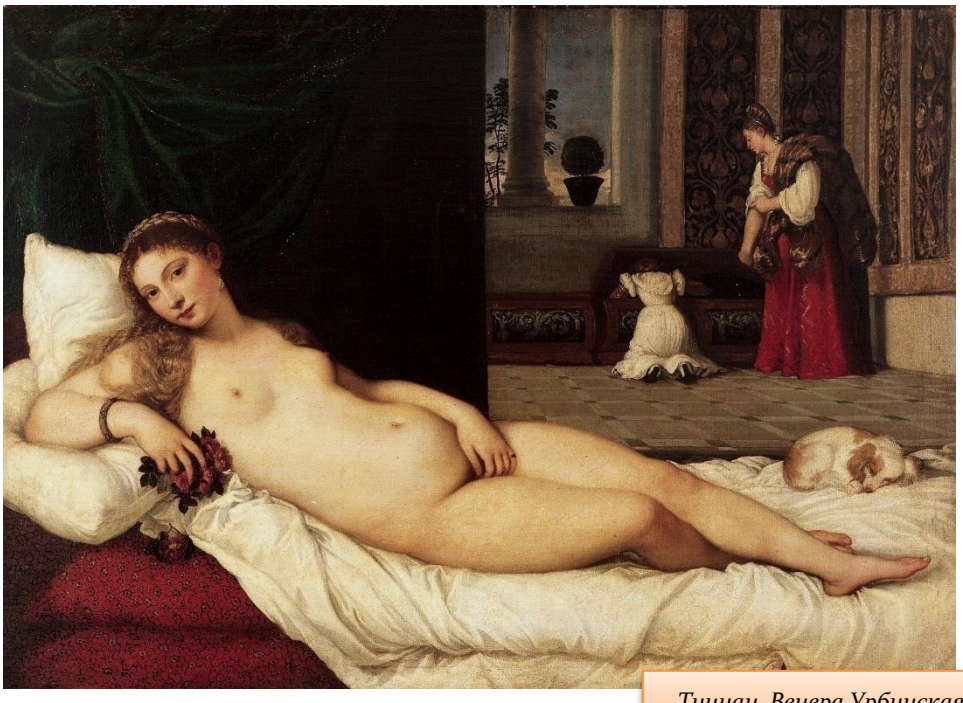
[58] ***Пьетро Бембо*** *– кардинал, гуманист, ученый и писатель. Настаивал на божественном происхождении красоты и постепенной трансформации чувственной любви в духовную. Состоял в любовной и дружеской переписке с Лукрецией Борджиа.*

Тициан. Портрет Карла V в кресле

Тициан. Портрет Изабеллы Португальской

***Изабелла Португальская** - императрица, жена Карла V. Их брак, зародившийся как политический союз, перерос в редкую любовную идиллию. Она была хороша собой и компетентна в делах — в отсутствие мужа исполняла роль регента Испании.*

В 1539 г. 35-летняя императрица разрешилась от бремени мёртвым ребёнком. А саму роженицу сгубила пневмония, она умерла через десять дней. С тех пор Карл V носил траурные одежды, которые он так и не сменил до конца дней. Через 19 лет он отрёкся от престола и добровольно лишился сказочного богатства, оставив себе лишь картину Тициана и знаковую брошь жены.



Тициан. Венера Урбинская